

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ЕВРЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ В
МОСКВЕ

Российский
государственный
гуманитарный
университет

Институт
языкознания

ПРОЕКТ
"БАВИЛОНСКАЯ
БАШНЯ"

Институт восточных
культур

Центр
компаративистики

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕГО РОДСТВА ЯЗЫКОВ
НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Доклады и тезисы научной конференции

29 мая — 2 июня 2000 г.

Москва 2000

Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Доклады и тезисы науч. конф. / Рос. гос. гуманит. ун-т. Ин-т восточных культур. Центр компаративистики, Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания, Еврейский ун-т в Москве. Проект "Вавилонская башня"; Сост. Г.С.Старостин, С.А.Старостин. М., 2000, 264 с.

Конференция посвящена памяти выдающегося лингвиста, основателя ностратического языкознания В. М. Иллич-Свитыча (1934 - 1966), а также памяти выдающегося специалиста по семитологии и истории Ближнего Востока И. М. Дьяконова (1915 - 1999). В рамках конференции обсуждаются такие важнейшие проблемы сравнительно-исторического языкознания, как изучение дальнего родства языков ностратической, сино-кавказской и прочих макросемей, а также вопросы взаимосвязи компаративной лингвистики с прочими отраслями науки, такими, как древняя история, археология и этнография.

В секции, посвященной памяти И. М. Дьяконова, приводятся также доклады по языковой ситуации и древней истории Ближнего Востока.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Председатель: Старостин С. А., член-корр. РАН, профессор, доктор филологических наук

Члены Оргкомитета:

Булатова Р. В., кандидат филологических наук

Дыбо В. А., академик РАН, доктор филологических наук

Милитарев А. Ю., ректор Еврейского университета в Москве

Старостин С. А., член-корр. РАН, профессор, доктор филологических наук

Топоров В. Н., академик РАН, доктор филологических наук

Секретарь Оргкомитета - Старостин Г. С.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 00-06-85-039

@ Российский государственный
гуманитарный университет, 2000

Часть I. Проблемы сравнительно-исторического и ностратического языкознания (памяти В. М. Иллич-Свитыча)

М. Е. Алексеев (Москва)

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Видовременные формы нахско-дагестанских языков не раз служили предметом специального рассмотрения в сравнительно-историческом аспекте. Уже Н. С. Трубецкой посвятил глагольным окончаниям в нахско-дагестанских ("чечено-лезгинских") языках специальную статью [1929]. В этой статье предложен ряд сопоставлений видовременных показателей нахско-дагестанских языков. Ср.:

Анд. -до (наст.), -диа, (буд.), год. -да. (наст.), лезг. -да, -дай, таб. -ду-, -ди-, арч. -ди. Формы андийских языков легко возводятся к общеандийскому архетипу, ср. кар. -ида, багв. тл. -да, чам. -да (последний суффикс выступает в значении буд. неопределённого). Между тем нельзя исключать для андийских форм иного источника происхождения, поскольку параллели приведенным аффиксам имеются и в собственно глагольной морфологии, ср.: ав. -д, суффикс желательного наклонения (ср. *бос-ад* 'чтобы взял!'), бежт. -да, гунз. -д/-до, суффиксы условного наклонения, дарг. -д, суффикс допускаемо-желательного (по терминологии М.-С.М.Мусаева), ср. *xly wakla-d* 'пусть ты придешь'.

Ав. -ла (наст., буд.), дарг. -ли (деепр.), арч. -ли (не могла ли арчинская форма быть заимствованной из даргинского?), уд. -л (буд.). Для этого ряда Н. С. Трубецкой [1929: 158] указывает на близкие по звучанию аффиксы генитива: ав. -л, лак. -л, дарг. -ла (также и суффикс числительного). Думается, сопоставление не имеет достаточных оснований. Как показывают исследования по даргинскому глаголу, "деепричастные компоненты как перфекта, так и настоящего времени исторически возникли из причастий путем присоединения наречного суффикса -ли" [Мусаев].

Что касается ав. -ла, то при указанном распространенном формировании буд. времени на основе косвенных наклонений представляется возможным привлекать к сопоставлению суффиксы условного наклонения: анд. -ло/-ла, ботл. -ала, ахв. -ала (ср. такие частицы: год. (в)ара-ла, -дала, кар. *гвал*, чам. -кIала, -хала). Из других дагестанских языков обращает на себя внимание лезг. -ла (*хтай-ла* 'когда вернулся'), таб. -ла (*фи-ла* 'когда'), арч. -Та (*хъIва-Та* 'когда пришел'), указывающие на общелезг. *-Ма с исконным временным значением.

Ав. -на (прош.), чеч. -и, -ина, лезг. -на, -най, агул. -на, -ни, -най, -наа, таб. -лу, -ли-, лак. -ун- (все формы выражают различные оттенки прошедшего

¹ Работа выполнена при содействии РФФИ (проект 00-06-80217)

Morgenstierne 1955 – Morgenstierne G. A Khowar Tale // Indian Linguistics. Vol. 16 (Chatterji Jubilee Volume). 1955.

Morgenstierne 1957 – Morgenstierne G. Sanscrit Words in Khowar // S. K. Belvalkar Felicitation Volume. Benares, 1957.

Morgenstierne 1967 – Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. Vol. 3: The Pashai Language, pt. 1, Grammar. Oslo, 1967.

Morgenstierne 1973 – Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. Vol. 4: The Kalasha Language. Oslo, 1973.

Pokorny 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Turner 1966 – Turner R. L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. L., 1966.

С. В. Кодзасов (Москва)

СКРЫТАЯ ПРОСОДИЯ СЛОВА И ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ (на примере говора с. Деулино Рязанской области)

Введение. Предыдущие публикации автора о неизвестных ранее просодических характеристиках русских слов (Кодзасов 1989, 1995, 1996а, 1996б) до сих пор не получили отклика. Между тем учет скрытых просодий позволяет понять многие труднообъяснимые факты русской фонетики. Особенно велика может быть их роль при истолковании многообразных исторических изменений, которые произошли в русских диалектах. До сих пор мотивация многих из этих процессов неясна. По нашему убеждению, открытая нами просодическая система восходит к общерусскому состоянию и данные литературного языка релевантны для диалектов.

Мы предприняли попытку показать объяснительную силу сведений о просодии литературного языка на примере одного из русских диалектов – говоре села Деулина Рязанской области. Выбор этого говора обусловлен прежде всего тем, что он документирован лучше, чем любой другой: имеется большой словарь (Словарь 1969), описание некоторых существенных особенностей фонетической системы (Пауфощима 1977), а также масса магнитных записей высокого качества.

Дадим краткую характеристику тех просодических признаков, которые в наибольшей степени повлияли на деулинскую фонетику. Признак *тип завершения гласного* соответствует известному в общей фонетике признаку *примыкание*. В германских языках, где он традиционно выделяется, способ завершения гласного соотносится с типом примыкающего справа согласного:

перед ненапряженным (более кратким) согласным гласный завершается медленно, а перед напряженным (более долгим) усекается. В русском литературном языке признак троичен и не связан с последующим согласным: медленное завершение (М), противопоставлено нейтральному (Н) и быстрому (Б). Примеры: *море/М – поле/Н – горе/Б, весна/М – сосна/Н – блесна/Б*. В приведенных словах значение признака характеризует все слоги, однако оно может меняться (один раз) внутри слова: *глина/МН, кожа/НБ*.

Раствор гласного (положение нижней челюсти) в большинстве языков соотносено с подъемом языка. Однако в общем случае эти артикуляционные параметры независимы. В литературном русском языке имеется три значения признака *раствор*: широкий (Ш), нейтральный (Н) и узкий (У). Примеры слов с одинаковым значением признака на всех гласных: *соха/Ш – меха/Н – мука/У, олень/Ш – лень/Н – ремень/У*. Значение признака может меняться: *свобода/ННУ*.

Горизонтальное положение языка в ротовой полости обусловлено состоянием его внешних мышц, тогда как его форма зависит от внутренних мышц. В русском языке эти параметры контролируются независимо. Признак *горизонтальная поза языка* имеет три значения: передний (П), нейтральный (Н), и задний (З). Примеры: *небо/Н – невод/П, драки/Н – раки/П, грипп/Н – гриб/З, вокруг/Н – супруг/З*. Значение признака характеризует слово целиком.

Признак *общая динамическая структура* связан с относительным вкладом вокалического и консонантного каналов в артикуляционный процесс для данного слова (модель двухканальной организации артикуляции была предложена шведским фонетистом С.Эманом (Eman 1966)). При доминанции вокалического канала наблюдается тенденция к открытости слога и ослаблению согласных. Произносимая речь ощущается как "плавающая" (ПЛ). При доминанции консонантного канала согласные усилены и речь ощущается как "рубленая" (Р), явно распадающаяся на слоги. При нейтральной организации артикуляционного потока (Н) вокалический и консонантный каналы равноправны. Рассматриваемый признак всегда характеризует фонетическое слово целиком. Примеры: *грузы/Н – кузов/ПЛ, дело/Н – тело/Р, лоза/ПЛ – глаза/Р, молния/ПЛ – полная/Н – яблоня/Р*.

Для дальнейшего изложения важно также знать о наличии признака *вертикальная поза гортани*. Кроме нейтральной позиции гортань может занимать либо более высокую позицию (↑), либо более низкую (↓). Примеры: *царь – царь/↑, лед – лед/↓*.

Важной чертой перечисленных признаков в литературном языке является их троичность, причем большинство слов имеет нейтральное значение. Следует учесть, что огласовка лексемы может меняться при словоизменении и словообразовании, а также как результат просодического согласования внутри синтаксической группы.

По нашим наблюдениям, в диалектах часто происходит упрощение тех или иных просодических контрастов в результате их бинаризации. Она осуществляется путем слияния одного из маркированных значений признака с нейтральным. В результате основная масса слов приобретает маркирован-

ную просодическую характеристику, которая становится доминантной для артикуляционной базы диалекта. Это ведет к трансформации фонетической системы в целом. Деулинский говор дает яркий пример такого развития.

0. Речевая поза говора Деулино

Деулино относится к числу говоров с речевой базой типа "сокращенная глотка – широкий рот". Уменьшение глоточного резонатора является следствием бинаризации признака "вертикальная поза гортани": в качестве нейтрального состояния стало использоваться высокое положение гортани, и лишь немногие слова произносятся при низком ее положении. Подъем гортани сопровождается некоторым смещением языка в передне-верхнем направлении, что придает речи деулинцев умлаутную окраску. Эта артикуляция сходна с "эмфатической палатализацией" (Трубецкой 1960), однако она не содержит компонента эпиглоттализации. Подъем гортани сопровождается опущением нижней челюсти – оно известна в языках с "эмфатической палатализацией". В целом соотношение объемов глотки и ротовой полости существенно изменилось в Деулино в пользу последней.

1. Завершение гласного

Расширение пространства для ротовых артикуляций способствует повышению чувствительности языка к вокалическому количеству, так как целевые артикуляционные точки гласных расходятся на большие расстояния. Как и в других "якающих" диалектах, в деулинском при построении интегральной количественной схемы слова соотносятся длительности гласных, обусловленные положением в разных ритмических позициях, с их собственными длительностями (широкий гласный "тяжелее" узкого). Однако Деулино имеет две специфические особенности счета количества: 1) конечный слог слова по ритмическому весу равен предударному, т.е. условная ритмическая схема слова имеет здесь вид 3 ... 3213 ... 2 (единицей обозначен ударный слог); 2) тип завершения гласного переосмыслен как долготная характеристика: быстрый трактуется как краткий, нейтральный как полудолгий, а медленный как долгий. Покажем, как взаимодействуют схемы ритмического и сегментного количества в разных позициях.

1.1. Предударная позиция

Здесь возможны лишь гласные верхнего подъема (*и, ы, у*) и *а*. Есть две схемы реализации этимологических *е* и *а* после мягких. Если гласный имеет нейтральный или долгий тип завершения, то он реализуется как *а*: *ряка, сляпой, сястра, ядять, зямля, вясной, жана, нясла, двянацать, бялить, часнок, прядуть, ат няво, ня хватить, ня стали, пиряд празникам, събярү, пъянуть*. Если *е* и *а* имеют краткий тип завершения, то они реализуются как *и* (после отвердевших шипящих – как *ы*): *нивеста, ниделя, симья, дитей, мидвидчй, типерь, посередки, привизеш, биседа*. Это распределение регулярно и подтверждается массой примеров. Поскольку значения признака завершения меняются при словоизменении и словообразовании, встречаются чередования в однокоренных парах типа: *ряка/Н – по рике/Б, събярү/Н – събирет/Б,*

льшадым/Н – льшьдей/Б. Поясним, что значения признака мы оцениваем по литературному языку.

1.2. Конечная безударная позиция

Распределение гласных здесь аналогично описанному выше для предударной позиции. Этимологические *е* и *а* после мягких реализуются как *а* при нейтральном и долгом завершении: *умяр, ветяр, месяц, идитья, давай-тя, зняитья, должан, вышал, молимся, апасаимся*. При кратком завершении гласного выступают *ы/и*: *можыть, приедить, хватаить, будим, вовси, ъсталси, баимси*. Особенно интересно распределение окончаний прилагательных, причем как после мягких, так и твердых основ. Рассмотрим его на примере форм мужского рода. Здесь на месте этимологического *о* мы находим *а* при неусеченном завершении и *ы/и* при усеченном. Поясним, что характеристики М/Н/Б предопределяются соответствующими характеристиками существительного, с которым грамматически согласованно прилагательное. Примеры без усечения гласного вершинного существительного: *новой, харошай, третйй дом/Н; крикливай мальчик/Н; старай свояк/Н; малинькый мужик/Н*. Примеры с усечением: *вострый нож/Б; читвертый, пятый год/Б; девятый день/Б; знакомый лес/Б; пьяный председатель/Б*. Особенно показательны случаи, когда одно и то же прилагательное встречается в двух огласовках: *гладкай лен/М – гладкий волос/Б*.

1.3. Прочие проявления различий в типе завершения гласного

В абсолютном начале слова на месте безударного *о* встречается как *а*, так и *ь*. Сравните такую пару: *аставляли лен/М – ъставляли халсты/Б*. Здесь глагол согласуется с прямым дополнением. (В литературном языке имеет место сходная ситуация).

В слабых ритмических позициях *а* редуцируется за исключением случаев с медленным завершением гласного *пъянуть/Н, палопъялися/Н*, но *барабан/М, вешалка/М, навалачка/М*.

1.4. Перенос ударения

В общем случае признак типа завершения гласного является слоговым, а не словесным: имеются примеры мены значения признака внутри слова. В литературном русском языке распределение значений Б, М и Н при гласных не соотносено с местом ударения. Усиление роли количественного параметра в Деулине приводит к тому, что рассогласование соотношения ритмических и вокалических долгот не допускается. В таких случаях ударение переносится на более "долгий" гласный. Примеры: *хичу/МН, иду/МН, вчрнусь/МН, крцдимси/НББ, придиш/НБ, (они) нъялють/ББН, пустиш/ННМ, хварцшт/НМ, бурю/НМ, жсалтыя/НММ, асянэз/ННМ*.

2. Раствор

Растворные различия оказывают на гласные влияние, сходное с влиянием количества: узкий раствор по действию аналогичен краткости, а широкий долготе. В случаях, когда значение У (узкий) совпадает с Б, кумулятивное действие двух факторов повышает подъем гласного на одну ступень: *апеть*

("опять"), *напрели* ("напряли"), *мечик* ("мячик"), *пъглитить* ("поглядеть"), *плименница* ("племянница"), *катумка* ("котомка"), *дивирь* ("деверь"), *вишник* ("веник"), *йисть* ("есть" в значении "кушать" в отличие от бытийного глагола, который не изменился), *болить* ("болеть"), *лизь* ("лезь"), *пъсмарили* ("посмотрели"), *мырда* ("морда").

Менее распространены случаи расширения гласных, они наблюдаются при совмещении значений Ш (широкий) и М, которое встречается в небольшом числе слов. Примеры: *лавим* ("ловим"), *тат жа* ("тот же"), *па сех пор* ("по сих пор"), *смернай* ("смирный"), *зъстожусь* ("застужусь"). Отметим, что изменение подъема гласных под влиянием маркированных значений признака "раствор" широко распространено в русских диалектах. Например: *перг* ("пирог"), *пехать* ("пихать"), *Россея* ("Россия"), *ходела* ("ходила"), *збруя* ("сбруя").

3. Горизонтальная позиция языка

Небольшое упреждение базовой речевой позы, связанное с высоким положением гортани, не устранило в Деулине различия слов по признаку горизонтальной позиции языка. Слова с маркированными значениями этого признака обнаруживают неэтимологическую палатализацию и диспалатализацию согласных. Особую чувствительность к этому признаку обнаруживает звук *р*, что связано, вероятно, с точечностью его артикуляции. Приведем примеры палатализации в "передних" словах: *камарь*, *нутр'о*, *завтра*, *крепи-ва*, *диря*, *дул'о*, *плясь* ("пляс"), *дисьма* ("десна"), *цѣлуха* ("шелуха"). Теперь примеры диспалатализации в "задних" словах: *гурба*, *рыга*, *брычка*, *грыбы*, *страхнулсѣ* ("встряхнулсѣ"), *узѣл* ("узел"), *вышня*, *письмо*, *грусты* ("грузди"), *попел* ("пепел").

4. Общая динамика артикуляции

Одной из ярких особенностей деулинского говора является парадоксальное сочетание процессов наращения вокалических пазвуков и выпадения этимологических гласных (Словарь 1969, Пауфощима 1977). Эти процессы находят простое объяснение: они связаны влиянием на сегментную структуру слова маркированных значений просодического признака "общая динамика". Избыточная вокализация связана с "плавностью" слова, тогда как избыточная консонантизация обусловлена его "рубленостью". Однако особенностью этих процессов является то, что они до сих пор не приобрели статуса регулярных законов и их действие в значительной степени зависит от ритмики слова, от его позиции во фразе, от темпа речи и, наконец, от грамматического класса слова.

Наиболее показательны наращения гласных в конце слова после сонорных и фрикативных. В имеющихся текстах их больше всего в "плавных" глагольных формах: *аставима*, *выгрѣбаима*, *закричима*, *идема*, *ни дадима*; *ни прай-деша*, *навариша*, *балтаиша*, *знаиша*, *будиша*, *адаиша*. Но эти формы встречаются также (особенно не в конце синтагмы) и без вокалических наращений: *аставим*, *ни дадим*; *знаиш*, *адаиш*. Однако имеется диагностическое

отличие "плавных" слов от "неплавных": последние никогда не присоединяют пазвуков: *пайдем*, *нарубим*, *праполим*; *кидайиш*, *валяйиш*, *прадаиш*.

Примечательно, что местоименные формы и наречия с характеристикой "плавный" превращают пазвук в постоянную часть слова: *тама*, *савсема*, *иха*, *с нима*, *к нейа*. Очевидно, это связано с высокой употребительностью этих форм. Интересное изменение произошло в "плавных" существительных ж.р. на конечный мягкий согласный, где наблюдается мена типа склонения вследствие переинтерпретации пазвука как окончания *жизня* (а также *жизню*), *постеля* (а также *постелю*), *болезня*, *мышья*, *пыля*.

Для "плавных" слов характерно также появление пазвуков в начальных сочетаниях шумных с сонорными: *пѣлашмя*, *пѣлямянник*. Напротив, в "рубленых" словах редуцированные и безударные узкие подвергаются синкопе: *чкать* ("чихать"), *прасильсь* ("опоросилась"), *горчѣ* ("горечь"), ("пляс"), *бурдавка* ("бородавка"), *глубкий* (из *гльбький/МНН*), *на р'ку* ("на реку"), *нѣ пта-лок* ("на потолок"), *ягдки* ("ягодки"), *кстица* ("креститься").

Заключение

Любой русский диалект обнаруживает массу закономерных звуковых изменений, обусловленных скрытыми просодическими контекстами. Для истории литературного русского языка вторжение скрытой просодии в сегментную фонетику не столь характерно. Вероятно, это обусловлено сохранением в нем исходной троичности просодических противопоставлений, которая предполагает неполяризованность крайних членов. В диалектах же бинаризация просодий дает толчок к их контрастной поляризации и усилению влияния на сегменты. Заметим, что в настоящее время скрытая словесная просодия у многих носителей литературного языка отсутствует. Очевидно, это связано с превращением его в койне, покрывающее разнообразные региональные разновидности языка.

Диалекты сильно различаются по тому, какие троичные признаки они бинаризуют. Для северных диалектов гораздо типичнее сужение рта, связанное с бинаризацией растворных различий, чем для южных. Отсюда, по-видимому, следует отсутствие редукции безударных (двигательные амплитуды для гласных невелики), "тараторень" (сверхбыстрый темп речи) и упрощение подсистемы сибилантов.

ЛИТЕРАТУРА

Кодзасов С.В. О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. просодия. М., 1989.

Кодзасов С.В. О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики, 2. М., 1995.

Кодзасов С.В. Просодические классы слов и место ударения // Просодический строй русской речи. М., 1996а.

Кодзасов С.В. Фонетическая база данных ИРЯ РАН. Приложение 4. // Просодический строй русской речи. М., 1996б.

Пауфогима (Касаткина) Р.Ф. О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

Словарь современного русского народного говора. Под ред. И.О.Оссовецкого. М., 1969.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

Oetam S.E.C. Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements. JASA, 39, 1966.

А. Н. Коваль (Москва)

‘ЗЛАТООКИЙ’ (СТАТЬЯ ИЗ ВОЗМОЖНОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)

I. EXORDIUM

Зародившись как отрасль сравнительного языкознания, строящегося на неоспоримых фонетико-этимологических взаимных соответствиях звуков, слов и выражений различных и.-е. языков, наука об «и.-е. поэт. языке» (нем. Indogermanische Dichtersprache) развивалась именно в строгих рамках лингвистической компаративистики. Не случайно начало новой дисциплине было положено в работе, посвящённой сугубо лингвистической проблеме: образованию назальных классов презенса в и.-е. языках.

Адальберт Кун, написавший эту работу в середине XIX века, сделал открытие, замечательное как своей простотой, так и далеко идущими последствиями. Сопоставив греч. выражение κλέος ἄφθιτον ‘нетленная слава’ с вед. синтагмой śrávo ‘kṣitam/ákṣiti, означающей то же самое, он вывел их прототип, восходящий к эпохе грекоар. языкового единства. Используя принятую ныне систему обозначений, эту «протосинтагму» можно записать в следующем виде: *k^hleues nd^hg^{wh}itom. отождествления отдельных слов были сделаны уже раньше. Новизна же открытия Куна состояла в том, что он предположил существование древней поэзии на «и.-е. языке» и впервые реконструировал фрагмент её текста.

Можно смело сказать, что идеалом точности в этой области по-прежнему остаётся реконструкция отдельных слов, синтагм или отрезков поэтического текста, основанная на строгих этимологических соответствиях. И всё же трудно не заметить, что этот принцип, казавшийся незыблемым, подвергся и продолжает подвергаться острой и притом обоснованной критике. Эта критика касается самого нерва, самой сердцевины проблемы:

что важнее — строгие этимологические соответствия в формульных выражениях или стоящие за ними образы и идеи? Специфически индоевропейский план выражения или же универсальный план содержания, который может быть одинаков у самых разных народов? «Изоглоссы» или «изоконцепты»?

Один из наиболее наглядных и известных примеров того, что можно назвать «изоконцептом» — это именование огня и бога огня «потомком/отпрыском вод». Здесь сопоставляются друг с другом вед. и авест. Апам Напат (apām nárāt) и древнесев. кеннинг для огня sœvarǫ þiðr, букв. «отпрыск морей». Ни о каких этимологических соответствиях говорить тут не приходится. И тем не менее единство содержания, выраженного различными корнями — несомненно. Перед нами, конечно же, кратчайшее выражение и.-е. мифа о рождении огня из воды. И вправе ли мы отмахиваться от этой параллели на том лишь основании, что этимологической проверки она не выдерживает?

В этом отношении показательна, напр., полемика Э. Кампаниле с Г. Шедером, видевшим в авест. формуле «быки дня», обозначающей лучи утренних зорь, «и.-е. кеннинг». Э. Кампаниле сопоставляет с этой формулой распространённое именование Ушас, вед. аналога Эос, «коровой», а её лучей — «прекрасными быками» (RV VII. 79. 1). Это и позволило итал. учёному заявить об индо-ир. поэт. формуле².

Однако Кампаниле, пожалуй, поторопился с выводами, забыв о славянской традиции, которая в глазах многих индоевропеистов до сих пор остаётся скромной Золушкой среди «старших» сестёр. Между тем обращаться к ней бывает весьма поучительно. Вот пример: как отмечает З. М. Волоцкая, в русских загадках распространено обозначение звёзд как результата распада чего-то, первоначально единого. Собрать эти осколки (= звёзды) никто не может; они исчезают, когда приходит пора: «одна корова хвост подняла, да все убрала»³. Совершенно очевидно, что под «коровой» здесь имеется в виду утренняя заря, а «хвост» означает её лучи. Даже если это свидетельство единично (хотя, скорее всего, дело обстоит иначе), то можно привести множество славянских загадок, связывающих солнечный свет с быком или коровой⁴.

Другим примером подобных «изоконцептов» могут послужить выражения вроде «спина неба/моря»⁵, «сердце моря»⁶ и т. п., за которыми

¹ [SCHAEFER], S. 83-84.

² [CAMPANILE], p. 20.

³ [ВОЛОЦКАЯ], с. 265.

⁴ Некоторые из них см.: [ВОЛОЦКАЯ], сс. 256-258.

⁵ См. RV I. 164. 10cd и комментарий Саяны. С этим местом ср. «Федр» Платона (247c) в поразительно схожем контексте. Можно указать также на выражение «спина эфира» (Еврипид, fr. 114). Что касается синтагмы «спина моря», то сопоставляется друг с другом Гомер (напр., Ил. II. 159) и АВ (X. 7. 38).

⁶ У В. Н. Топорова ([ТОПОРОВ], с. 614, прим. 30) отмечены параллели между RV IV. 58. 4, 11 (схожие образы см.: RV I. 159. 4; X. 5. 1, 177. 1) и библейской поэзией (Иона 2. 4; ср. также Иезекииль 27. 4; 28. 2, 28). К этому можно добавить также средне- и новоперсидское выражение del-e daryā ‘сердце моря’ при del ‘сердце’ в составе таких выражений, как del-e šab ‘сердце ночи’, del-e oğra ‘сердце Европы’ ([ПЕЙСКОВ],